

Книга УДОЖНИКА

Международное объединение «Книга художника»
Информационный бюллетень, выпуск третий
Сентябрь, 2013

С 13 февраля по 21 апреля, 2013 в Государственном музее-заповеднике «Царицыно», с большим успехом прошла одна из самых крупных выставок Книги художника – «Первая книга». В выставке приняли участие более двухсот художников из разных стран мира. В рамках выставки прошёл круглый стол, расшифровку записи которого мы и предлагаем вашему вниманию.

Книга художника и сопредельные территории

*Государственный музей-заповедник «Царицыно», Большой дворец, зал № 117
9 апреля 2013*

Модератор – Михаил Погарский

Докладчики:

- Ольга Докучаева – Книга художника в музее-заповеднике «Царицыно».
- Андрей Толстой – Книга художника, как феномен искусства.
- Виталий Пацюков – Авторская книга в системе универсальной органической культуры.
- Анна Чудецкая – Книга художника в Пушкинском музее.
- Ольга Синицына – Книга художника в библиотеке.
- Василий Власов, Виктор Лукин – Книга художника как инструмент художественного жеста.

Участники Круглого стола

1. Ольга Докучаева – заместитель генерального директора по научной работе ГМЗ «Царицыно»,
2. Михаил Погарский – поэт, художник, модератор проекта, куратор выставки,
3. Василий Власов – художник, куратор и участник выставки,
4. Виктор Лукин – художник, куратор проекта,
5. Андрей Толстой – искусствовед, член корр. Академии художеств,
6. Виталий Пацюков – искусствовед, руководитель отдела экспериментальных программ ГЦСИ,
7. Анна Чудецкая – искусствовед, сотрудник музея Изобразительных искусств им. А.С. Пушкина,
8. Ольга Синицына – искусствовед,
9. Юрий Ноздрин – художник, участник выставки,

10. Валерий Орлов – художник, участник выставки,
 11. Александр Панкин – художник, участник выставки,
 12. Михаил Фёдоров – художник, участник выставки,
 13. Ольга Бровкина – искусствовед,
 14. Евгений Гор – художник, участник выставки,
 15. Олег Витальевич Корытов – декан кафедры «Иллюстрации и эстампа» (Московский Университет печати),
 16. Алексей Веселовский – художник, издатель,
 17. Борис Трофимов – художник, дизайнер книги,
 18. Эмиль Гузаиров – художник, участник выставки,
 19. Сергей Воробьёв – художник, участник выставки,
 20. Владимир Сулягин – художник,
 21. Сергей Чернов – художник, участник выставки,
 22. Ирина Озаринская – художник, участник выставки,
 23. Александр Питерский – художник,
 24. Пётр Перевезенцев – художник, участник выставки,
 25. Наталья Медведева – галерист,
 26. Владимир Смоляр – художник, участник выставки,
 27. Валерий Корчагин – художник, участник выставки,
 28. Ольга Моница – художник,
 29. Вера Гаранина – художник, участник выставки,
 30. Иван Голицын – художник, участник выставки,
 31. Андрей Рыбаков – художник, участник выставки,
 32. Виктория Фомина – художник, участник выставки,
 33. Марина Орлова – менеджер магазина «Москва»,
 34. Виктор Гоппе – художник, участник выставки,
 35. Иннокентий Келейников – художник, участник выставки,
 36. Михаил Молочников – художник, участник выставки,
 37. Александра Орлова – сотрудник Российской Государственной библиотеки Искусств,
 38. Елена Кокорева – учёный секретарь ГМЗ «Царицыно»,
 39. Татьяна Мыльникова – координатор проекта, старший научный сотрудник ГМЗ «Царицыно»,
 40. Лидия Кудрявцева,
 41. Юлия Панипартова,
 42. Виктор Боков,
 43. Ольга Келейникова,
 44. Мария Мкртчян,
 45. Георгий Каменских,
 46. Александр Подосинов,
 47. Ирина Солнцева,
 48. К.К. Калашников,
 49. Е.А. Мартынюк,
 50. К.В. Сидорик,
 51. Л.Д. Панов,
- и другие.

О.В. Докучаева: Открывая наш круглый стол, я хочу отметить, что во всех отношениях очень содержательная и многомерная выставка «Первая книга» совсем не случайно состоялась именно у нас в «Царицыно». Разного формата проекты, отражающие живой художественный процесс, остаются одним из постоянных направлений нашей выставочной деятельности. Только что у нас завершилась выставка «Тень времени», несколько лет мы сотрудничали с ГЦСИ, и, кстати, именно из этого сотрудничества и выросла «Первая книга» поскольку в 2010 году мы показывали у себя один из вариантов выставки «Ручная книга». Поэтому проект пришёл к нам на уже подготовленную почву. Нам это движение «Книга художника» кажется очень интересным и плодотворным явлением, которое хотелось бы поддерживать и развивать. И, между прочим, нашему музею с его фондами ДПИ XX века в чём-то глубоко близким, поскольку мы имеем дело и здесь с «рукоделием», рукотворностью книги как предмета, причём в самых разных «изводах» и ипостасях, в том числе и тех, которые прямо могут быть отнесены к произведениям декоративного искусства. Мы своей работой с кураторами проекта и над дизайном экспозиции, который делал наш художник, удовлетворены, но могу сказать, что и отзывы наших посетителей и коллег-искусствоведов позитивны. Выставка понравилась и оценена положительно. Были моменты, когда люди приходили посмотреть другие выставочные проекты, попадали на «Первую книгу» и потом нас благодарили. Удовольствие от присутствия искусства, от того что человек из встречи с ним для себя извлекает – это для нас большая награда. Это по поводу состоявшегося проекта. Есть и планы на будущее. Хотелось бы с этой замечательной группой – инициаторами выставки, с которыми нам работало интересно, легко, вдохновенно, продолжать сотрудничество. Придумывать и делать новые проекты. Спасибо.

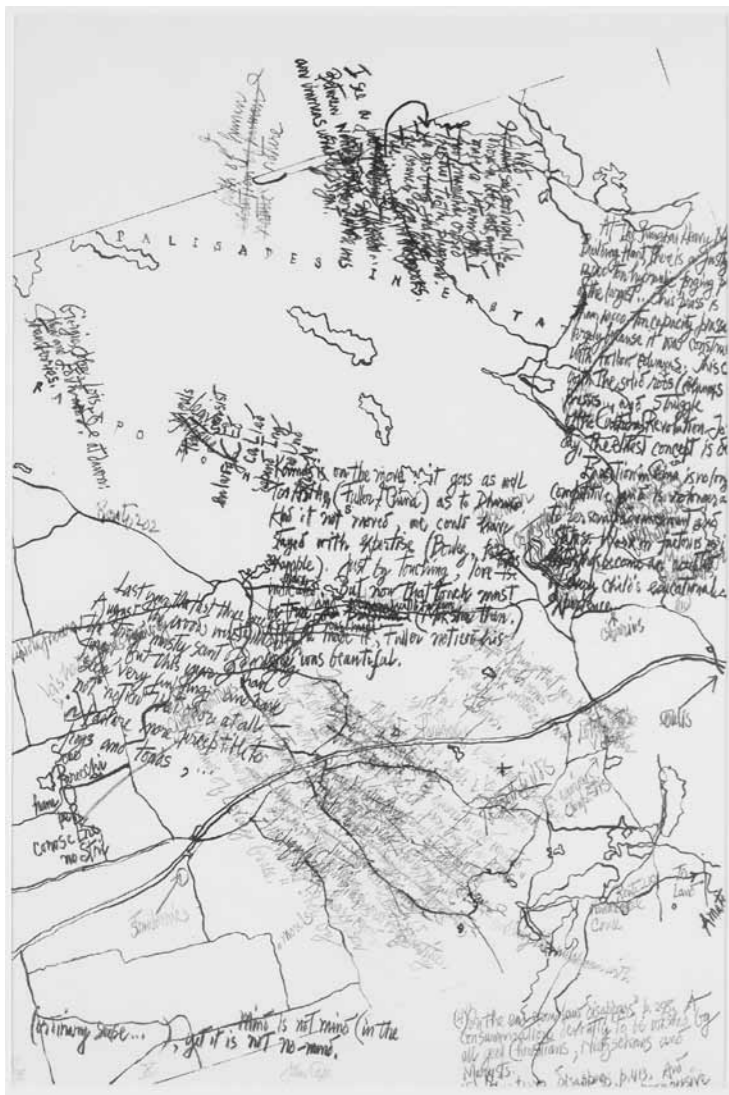
О.В. Докучаева

Михаил Погарский: Ольга Владимировна, спасибо Вам за то, что предоставили площадку для нас. Эта выставка, на мой взгляд, одна из самых крупномасштабных в России: 13 залов заполнено, более двухсот участников, огромное количество экспонатов, хороший большой каталог. Эта выставка – этапная, и перехлестнуть её может только тот фестиваль, который мы мечтаем провести в 2015 году, и мы его непременно осуществим, если хватит сил. А сейчас я бы хотел от частных вопросов, связанных с выставкой, перейти к глобальным вопросам и проблемам современности. Ни для кого не секрет, что современная культура и современное искусство находится на определённом сломе, и то, что постмодернизм уже себя исчерпал и впал в глубокий кризис – это уже понятное, общее место. Какое-то время: год или два назад я написал довольно провокационную статью, в которой я на примере книги художника попытался разрешить все проблемы, назревшие в современном искусстве, в постмодернизме и о том, как выходить искусству из кризиса. В этой статье я попробовал разрешить: конфликты порядка и хаоса, старого и нового, массового и элитарного, реального и виртуального. И Книга художника оказалась универсальным арт-инструментом, при помощи которого можно двигаться дальше. Мне кажется, что современное искусство – искусство 3-го тысячелетия будет проходить под знаком книги. Казалось, что это провокация, но меня поддержали крупнейший теоретик и критик современного искусства Виталий Пацюков и профессор Строгановской Академии Александр Лаврентьев. И вот из такой художественной провокации стали прорасти ростки истины. И сейчас я хотел бы предоставить слово Виталию Пацюкову, у которого тема так и заявлена «Авторская книга в системе универсальной органической культуры».

Виталий Пацюков: Мы довольно долго обсуждаем тему авторской книги, и не следует уходить от её сущности, тем более, что здесь, в зале присутствуют люди, представляющие наиболее яркие тенденции Книги художника и сами, непосредственно существующие в пространстве её художественных реалий. Действительно, авторская книга, Книга художника – это книга, живущая в парадоксе, это книга, с одной стороны, элитарная аристократическая, она содержит наиболее актуальные векторы интеллектуальных проблем, она является своеобразным генетическим кодом универсального творческого процесса. С другой стороны, она демократическая – обращена к любому человеку, начиная от ребёнка, к любому возрасту – с ней можно общаться, погружаться в её измерения, вести с ней личный диалог. Этот парадокс существования книги продолжает сопутствовать её судьбе, формирует её контекст. Книга сегодняшняя, естественно, испытывает инфляцию, книга как таковая несёт в себе свою драму.

Слева направо: О. Докучаева, В. Пацюков, М. Погарский

Джон Кейдж. Страница из «Книги Грибов»

Но в то же время, образ книги, модель книги, содержащей культурную память – это феномен будущего. Именно сегодня важно сохранить память и эту память продолжить в нашей истории художественной мысли, человеческой мысли, в пространстве нашей цивилизации. Именно книга несёт глубочайшую миссию хранения памяти, эволюцию этой памяти и внедрение памяти в общество. Без памяти общество погибает, просто оно теряет свой смысл. Книга художника существует в сфере рефлексии, поскольку в сфере интеллектуальных феноменов живёт современная культура, в непрерывности размышлений. В области рефлексии выстраиваются всё новые стратегии и открываются каналы коммуникации. Достаточно нам на что-то намекнуть, как уже возникает пространство образов, пространство наших интеллектуальных переживаний. Первая подобная ситуация была зафиксирована в акции Малевича в начале 1920-х годов. Он взял обычный клочок бумаги и написал на нём слово «пейзаж», простое банальное слово «пейзаж». И в этом жесте уже появилась своеобразная книга, рождающая самые разнообразные состояния и представления. Мы сегодня живём в пространстве ноосферы, где можно из её ткани потянуть ниточку и создать умозрительно любое визуальное содержание. И я сейчас, например, могу произнести слово-имя «Ван Гог», я могу ничего не показывать – и вы уже «увидите» образы Ван Гога, его искусство, его судьбу в своём сознании.

Книга художника позволяет распаковывать, как бы «распечковывать» этот рождающийся образ. Её конструкция – это некий бутон, некое зерно, в котором хранится информация культурных ценностей. Раскрываясь, это сосредоточенное в точке пространство формирует все основные принципы современной культуры. Что же такое Книга художника? Книга художника содержит в себе текст, содержит изображение

– визуальную культуру, она содержит в себе процесс, драматургию взаимоотношения с ней, она содержит в себе действие, своеобразное сценическое пространство, этический жест, определяющий наш смысл в этом мире. Книга художника позволяет формировать любую ситуацию, любое состояние нашей мысли, любое наше поведение, в ней собственно заложена поведенческая основа, заложен процессуальный характер. Её структура сосредотачивается в точке, в универсальной системе информационных координат и вместе с тем является единицей мировоззрения, корпускулой, атомом.

Весь сегодняшний мир можно представить в дискретных единицах и далее каждая из этих единиц способна приобрести волновой характер. Она начинает жить волной, охватывая весь мир, окружающий нас. Именно это точечное, атомизированное и одновременно процессуальное состояние определяет Книгу художника, её бинарность, её парадоксальную двоичность 0 и 1, с помощью которых можно описать весь мир.

Накануне этого выступления я прикоснулся к двум книгам. Первая книга связана с именем выдающегося композитора XX столетия – Джоном Кейджем. Я занимался проектом «Джон Кейдж и современная культура» – и в его рамках была представлена авторская книга, созданная композитором, – «Книга Грибов». В этой книге Джон Кейдж, любитель и знаток грибов, предложил новые экологические принципы взаимоотношения человека и реальности, когда человек в своём поведении не дистанцируется по отношению к окружающей среде, а растворяется в ней. Творческая позиция Джона Кейджа определялась не-деянием, невмешательством в природную стихию, а всматриванием и вслушиванием в неё. Композитор предлагал абсолютно новую художественную этику, открывающую лицо и голос действительности. Книга Джона Кейджа – живой организм, субъект, живое существо. На её страницах мы видим карту, в топографии которой передвигается сам Джон Кейдж в поиске грибов. Композитор детально описывает все фрагменты этой карты, отмечает «грибные места», которые он уже лично обнаружил, вписывает в страницы книги тексты из труда писателя и философа Генри Дэвида Торо «Уолдон или Жизнь в лесу». Генри Дэвид Торо оказал большое влияние на американскую культуру. Он прожил несколько лет в лесу, отказался от комфорта цивилизации и попытался соединиться с самой реальностью, с потерянной реальностью, с манящей своей подлинностью и естественной реальностью, с самой природой.

Что касается второй книги, я сейчас занимаюсь Маяковским – и ко мне «пришла» другая книга, соотнесённая с творчеством Маяковского, она не претендует на шедевр, не претендует на образец. Это просто сегодняшняя книга – книга, которая существует в образности современной Книги художника.

Книгу «Маяковский. Небоскрёб в разрезе» создали три автора: Виктор Лукин, Валерий Корчагин и Виктор Гоппе. Она содержит в себе текст Маяковского, где образ предстаёт в виде реального небоскрёба. Разворачиваясь в своём плане, книга становится архитектурой, её можно представлять как конструкцию: в её «интерьере» существуют сквозные отверстия как окна, наглядно раскрываются взаимоотношения плоскости и пространства, и она трансформируется в инсталляцию. Эта книга своей структурой демонстрирует новые возможности существования стихов Маяковского. Творчество Маяковского, которое содержало в себе идеи конструктивизма, обретает в этой книге свои идеалы. В её страницах поэзия преодолевает свою линейность и раскрывается в объёме, в новой художественной реальности. Эта, казалось бы, традиционная книга художника, но её форма несёт в себе все новейшие стратегии сегодняшней культуры.

Удивительная вещь, с одной стороны, мы произносим, что Книга исчезает, так же как исчезает бумажная информация и одновременно, как мы сейчас утверждаем, Книга художника определяет всю новейшую культуру. Как это происходит? Я думаю, это некая тайна творческого процесса, тайна, которая заложена собственно в культуре всей цивилизации, она заложена, начиная со Скрижалей Моисея, где они возникали в камне, эта тайна скрывается в глиняных египетских табличках, она живёт в папирусе, храня в себе традиции, когда текст не отделялся от поведенческой культуры, существуя в ритуале. Книгу брали, читали, перелистывали её страницы, непосредственно с ней общались как с другом.

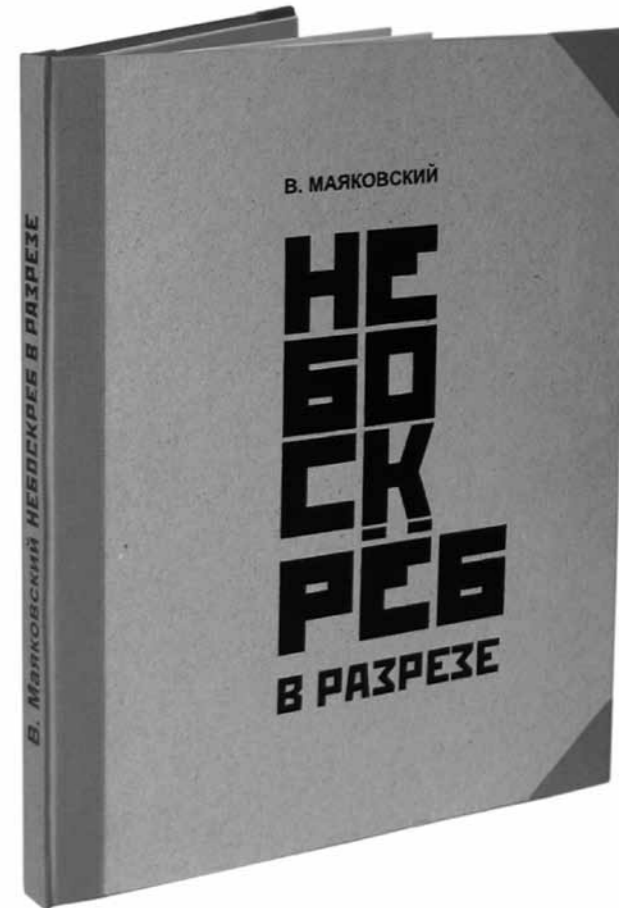
Ситуация выставочной культуры – это конечно ситуация ограничения. Книга должна жить ещё в руках, в прикосновении к человеку, обретать перформативный смысл. Книга – объект, организм, с которым начинает общаться ребёнок, осознавая его как чудо.

Условия выставочного процесса ограничивают Книгу. Это, конечно, тот недостаток, который, очевидно, будет сказываться среди людей, которые не воспитаны на книге, которые не осознают, что книга – это существо. Книга из чисто художественной традиции должна переходить в чисто пространственные категории, книга – это диалог, книга – это полнота общения с любым текстом, с любым высказыванием, с любым свидетельством – без свидетельства, без общения не существует культуры.

Можно сколько угодно говорить, что она исчезает, что Книга Художника элитарна, аристократична, но вместе с тем книга – это единственный инструмент, который несёт в себе генетический код всех новых процессов в нашей художественной реальности, именно в ней заложена программа существования человека и формирования всей культуры будущего.

Книга художника сегодня не ограничивается феноменом одного материала. Это может быть цифровая запись, это может быть дерево, металл, пластик, она, как контррельеф Татлина, собирает в себе все формы материи. Побывав в 1914 году в мастерской Пикассо, Татлин увидел, что в студии художника висит на проволоке распиленная скрипка, что она содержит в себе скрытый звук, что она не рассматривается Пикассо умозрительно, а во всей её физической целостности. Пикассо её распиливает, раслаивает, как странички книги, превращая скрипку в визуальный текст. Пережив эту ситуацию как художественное событие, Татлин создаёт контррельеф, в котором сосредоточивает все основные формы видимой материи – стекло, металл, бумагу – в образах абсолютного согласия. И эта идея согласия, как драматургия книги постоянно торжествует. Книга вносит согласие в нашу культуру, в нашу цивилизацию. Наша цивилизация, наше сознание – расслоенное сознание, и книга соединяет все возможные её слои, даже самые парадоксальные и, казалось бы, абсолютно несовместимые. Книга манифестирует идеи целостности, превращаясь в модель человеческой памяти, постоянно восстанавливая теряющиеся в истории человеческие миры. Мне остаётся только поблагодарить всех вас, создателей великой Книги художника за то, что вы несёте эту традицию, она не только чисто эстетическая, она глубоко нравственная – это традиция миссионеров.

Михаил Погарский: Выступление Виталия напомнило мне одну из последних статей Михаила Эпштейна, о новых формах поэзии, где он говорит, что поэзия начинает преодолевать чистую словесность, чистую филологию. Он вводит несколько новых терминов: *Технопоэзия*, *Социопоэзия*, *Антропопоэзия*, *Биопоэзия*, *Космопоэзия*. Определяя *Космопоэзию*, он пишет, что Новый поэт начнёт создавать своё произведение искусства уже не в филологическом пространстве, а будет задействовать все пять органов чувств: и осязание, и обоняние, и визуальность, и слух. Возможно, Эпштейн

В. Маяковский. Небоскрёб в разрезе
Художники: В. Гоппе, В. Корчагин, В. Лукин

М. Погарский

не совсем знаком с таким явлением, как Книга художника, поскольку оно хотя и вызывает всё больший интерес в разных слоях общества, но до сих пор остаётся маргинальным явлением. В Книге художника неологизм *Космопоэзия*, введённый Эпштейном, уже давно реализовался. И здесь можно не только читать, рассматривать и вдыхать запах типографской краски, но некоторые книги, мы можем и есть, и пить, и даже курить.

А теперь вернёмся к теме круглого стола. В 2011 году мы отмечали такое условное событие – 20-летие Книги художника в России, ведя отсчёт от первой выставки в Санкт-Петербурге, в библиотеке Салтыкова-Щедрина. Среди этапных выставок нужно отметить выставку в Ленинской Библиотеке в 1993-м, и одну из самых программных выставок в Пушкинском музее в 1999-м. Куратором этой выставки была Анна Чудецкая, и я хотел бы предоставить ей слово, чтобы она рассказала о том, как в Пушкинском музее «живёт» Книга художника и какое может быть движение, связанное с ней, на территории музея. Возможно ли в Пушкинском продолжение выставок Книги художника? Какое-то продолжение, безусловно, уже было – я имею в виду знаменитую выставку, которую организовал Борис Фридман, «Испанская коллекция в Пушкинском музее», но всё-таки это была выставка в несколько другом формате. Аня, какие перспективы, у Книги художника в Пушкинском музее?

Анна Чудецкая: Я уточню: кураторами выставки «Книга художника» в 1999 году в ГМИИ им. А.С. Пушкина мы были вдвоём с Ксенией Владимировной Безменовой, которая здесь присутствует. Она по-прежнему ведёт работу

в Отделе графики музея как по формированию современного эстампа, так и Книг художника. Сегодня в её хранении находится не очень многочисленная, но, как мне представляется, очень качественная коллекция Книг художника. Однако, имея в виду сегодняшнюю ситуацию, я бы не стала связывать слишком большие ожидания в ракурсе работы с темой современной Книги художника в Пушкинском музее. Поэтому я с особым чувством хочу поблагодарить сотрудников Царицынского музея за выставку, которую они сделали, тем более что мы с К.В. Безменовой хорошо представляем те проблемы, с которыми приходится сталкиваться при организации такого рода экспозиций. Несмотря на то, что Книга художника уже может справлять своё 30-летие в России, это по-прежнему не вполне легитимная зона в современном искусстве нашей страны, да впрочем, и само современное искусство является проблемной территорией. Я вижу здесь много знакомых лиц – это талантливые художники, которые в течение нескольких десятилетий много сил и энергии вкладывают в Книгу художника. Назову некоторых из них – это Владимир Сулягин, Пётр Перевезенцев, Виктор Гоппе, Михаил Молочников. Есть и те, кто совсем недавно обратился к этой форме – например, Николай Наседкин, живописец, в последнее время работающий в инсталляции. Я поздравляю всех участников выставки «Первая книга». Сегодня – их праздник.

Несколько благодарственных слов хочу сказать о художниках-организаторах-участниках выставки. Кроме организационного вклада признанного «активиста» Книги художника Михаила Погарского, хочу обозначить то новое, что привнесли Василий Власов и Виктор Лукин. Они не только сами плодотворно творчески работают в Книге художника, они придали этому направлению новую окраску, открыли в нём новые социальные аспекты. Трудно переоценить роль Василия Власова, который обозначил Книгу художника как направление деятельности Московского Союза художников. Идея выставки «Первая книга» дала возможность профессионалам-графикам расширить свои цеховые границы, предложив опробовать новые творческие стратегии, что привело к обогащению этого жанра произведениями высокого качества в графическом исполнении. Виктор Лукин, художник, обладающий особым даром к созданию открытых форм художественной практики, последовательно использует провоцирующее начало Книги художника в своей педагогической деятельности, раскрывая в своих учениках столь значимую для личностной реализации волю к творческому эксперименту.

А. Чудецкая

Сегодня на обсуждении присутствуют и представители библиотек, и музейщики, и издатели, и художники: мне кажется, я выражу общее мнение, что все мы чувствуем энергию, потенциал роста в сфере Книги художника. Следующий этап в развитии «ребёнка» по имени Книга художника очевиден: он должен научиться «ходить». Однако каков он будет, следующий этап развития этого явления? Утвердится ли Книга художника в качестве элитарного интеллектуального жанра? Или сможет утвердить себя как площадку актуального эксперимента со словом и изображением, стать своеобразным продолжением концептуальных и постконцептуальных практик? Или Книга художника станет местом встречи актуального поэтического и пластического мышления? Расширится ли круг Книги художника – адептов, коллекционеров, критиков, просто заинтересованных зрителей? Ответ

должен прийти на регулярном Фестивале Книги художника, идею проведения которого я приветствую от всей души. Мне представляется, что формат «фестиваля», в отличие от музейной экспозиции, очень правильный и актуальный формат для современного состояния Книги художника в России.

Михаил Погарский: Надеемся, что Книга художника будет иметь своё продолжение в Пушкинском музее. Передаю слово Андрею Толстому с докладом «Книга художника как феномен культуры» – это программное выступление, которое планировалось быть сегодня в самом начале.

Андрей Толстой: Я считаю, что нам повезло, что у нас есть такое дружное сообщество, потому что все, кто связан с Книгой художника – это настоящее братство. Это братство совершенно неформальное – очень творческое, не имеющее чётких границ, как, впрочем, не имеет чётких границ и само понятие Книга художника. У каждого, кто занимается этим искусством и кто коллекционирует эти объекты, есть на самом деле представление, что он делает и что он собирает в свою коллекцию. Но фактически, если вспомним историю, мы поймём, что Книга художника – это всё, что не относится ни к книге, ни к станковым видам искусства – некое неформальное, я бы сказал, несистемное искусство. В этой несистемности есть определённые «плюсы» и есть какие-то негативные стороны. Негативная сторона в первую очередь состоит в том, что, когда приходит предложение где-то устроить выставку Книги художника надо обязательно объяснять тем, кто её принимает, что это такое.

Всё остальное сплошные «плюсы» на самом деле. Книгой художника может заниматься любой художник, или даже не художник, а человек, который ощущает в себе потребность этим заниматься. Начало этого процесса восходит к рубежу XIX–XX веков. Общеизвестна история первого заказа первой Книги художника – Амбрузом Волларом Пьеру Боннару. Успешно развиваясь в течение всего XX столетия, феномен Книги художника уверенно перешагнул в XXI. К этому есть много оснований, но самое главное, конечно, – удивительная внутренняя свобода, которую ощущают мастера – создатели Книги художника. Мы, например, знаем, что художники эпохи авангарда для своих произведений в виде книг использовали самые разные материалы. Это как раз было время, когда на первый план выдвинулось движение «всёков» «всёчества» (Зданевич, Ларионов, Ле-Дантю) – и именно эта «всеядность» в хорошем смысле этого слова – приводила к возникновению авторской книги в контексте искусства авангарда. Всё что сделали, с одной стороны, Кручёных, Хлебников, Василий Каменский, а с другой стороны – Ларионов, Гончарова и целый ряд других художников, которые оформляли поэтические сборники – это же и есть яркие примеры Книги художника. Там было необычайное содружество поэтов, создателей литературных текстов и создателей параллельного визуального текста. Ведь Книга художника – это некоторый синтез визуальности и вербальности. Одна из главных её черт – это представление о книге как о едином организме. До художников авангарда так относились к книге мастера эпохи символизма – те, кто и заложил основу отечественной Книги художника как вида искусства – Бенуа, Бакст, Сомов, Добужинский, Судейкин, Феофилакт, Шухаев, Яковлев, Григорьев, Анненков и другие. Вполне оправдано было бы сказать, что и журналы, которые они иллюстрировали, создавали и оформляли своими заставками, концовками, буквицами – то же своего рода немноготиражные Книги художника. Я имею в виду «Мир искусства», «Золотое руно», «Старые годы», «Весы», «Аполлон», «Художественные сокровища России». Эта традиция в какой-то мере сохранилась и после революционных событий и перенеслась за пределы России, потому что, по-моему глубокому убеждению, Серебряный век, имея в виду расцвет русской поэзии и изобразительного искусства, получил логическое завершение, яркое продолжение и славную кончину уже в эмиграции. Так сложились исторические судьбы.

Что касается Книги художника в России, то, если миновать эпоху футуризма, дальнейшее появление серьёзных новых явлений связано со второй половиной XX века – с эпохой оттепели и после неё. Огромный импульс Книге художника дало неформалистское движение, движение неофициального, так называемого «другого искусства», которое и было одним из таких успешных полигонов и таких площадок в реализации этих замыслов, потому что ведь тогда была возможность создавать Книгу художника, не обращаясь к официальным советским издательствам, не обращаясь к официальным редакторам, а уж тем более к художественным редакторам, которые жестоко расправлялись с теми из художников, кто пытался внести что-то такое неканоническое в иллюстрациях, в том числе к детским книжкам. Тем не менее, некоторые умудрялись участвовать в официальной деятельности, например, Эрик Булатов, Олег Васильев, Илья Кабаков – это верхняя часть, основная часть же их деятельности приходилась на андеграунд. Кабаковские «Альбомы» – это очень интересные примеры Книги художника; все эти от руки «отрисованные» графические циклы и серии с большим количеством текстов и уникальных, интереснейших иллюстраций – это и есть такой особый ответ второй половины XX века началу XX столетия. Потом это движение получило широкий размах, и я понимаю, что сейчас невозможно охватить тот диапазон исканий в области авторской книги – Книги художника, который приходится уже на 70-е, на 80-е и на 90-е годы. С Михаилом Погарским мы сошлись в том, что Книга художника – это такой абсолютно особенный вид деятельности, который, действительно, получил расцвет в последние 30 или 40 лет. Я знаю коллекции, которые составляются из этих книг, эти книги есть в крупнейших музеях не столько в России, сколько вне России. Леонид Тишков сам поставлял большую часть созданных им произведений, составляя целые коллекции: университета Дьюка в США, в Музее современного искусства в Оксфорде. Западные коллекционеры приезжают

А. Толстой

и восхищаются этими собраниями, этими вещами. При взгляде на эти вещи, действительно, не может не поражать и не восхищать удивительная свобода в обращении с самыми неожиданными материалами. Любой из них создатель Книги художника может превратить в элемент книги, потому что книгу надо понимать как очень сложное, не всегда прояснённое, не всегда чётко прописанное высказывание о смысле жизни, о бытии. Каждая Книга художника – это целая исповедь, высказывание, философский трактат. И, когда мы видим Книги, сделанные из кусочков шерстяных тканей, из бархата, из каких-то баннерных элементов, из деревяшек, из свёрнутых свитков – можно по этому поводу рассуждать и говорить бесконечно. Например, Б.У.Кашкин делал книжки-раскладушки из деревянных дощечек. А Леонид Тишков – один из пионеров в этой области – всегда предпочитал рисунок или уникальную гравюру на бумаге. Его «Люди, живущие в хоботе», «Водолазы», «Стомачи», «Чурки», и, конечно, легендарные «Даблоиды» – всё это изначально от руки «отрисованные» книги. Потом некоторые из них становились малотиражными, а некоторые так и остались уникальными, абсолютно рукотворными работами, в которых происходит синтез визуальной культуры и культуры вербальной. Сам художник сочиняет текст и сам же он визуализирует эту тему, этот дискурс – создаются параллельные ряды осмысления визуального и вербального. С другой стороны, если взять Книги художника, как синтез этих двух начал, то понимаешь, что перед нами возникает не просто то, что безлико лежит или стоит на книжной полке. Это, как правило, трёхмерный объект, произведение, которое относится к разряду и пространственных искусств. Книга – это и есть пространственное искусство, если мы воспринимаем её как единый организм, у которого есть своё пространство: пространство каждой страницы, пространство каждой буквы, пространство каждой иллюстрации. В книге художника эти все пространственные аспекты входят в ещё более важное пространство, потому что Книга художника – сама по себе является трёхмерным осязаемым объектом, который представляет собой некий пластический эквивалент философского представления художника о бытии.

Все книжные произведения, представленные на этой выставке – как раз этому являют многочисленные подтверждения и примеры. Я думаю, что книга художника в нашем культурном контексте и культурном контексте западном прожили разную жизнь. Многие из вас видели выставку авторских книг испанских художников в ГМИИ им. А.С. Пушкина 2011–2012 годы, где были представлены работы Пабло Пикассо, Хуана Миро, Сальвадора Дали, Хуана Гриса, Антони Клаве и Антони Тапеса в жанре Livre d'artiste — Книга художника. (Все произведения были предоставлены московскими коллекционерами Георгием Генсом и Борисом Фридманом). Антони Тапес замечательный художник, выдающийся мастер. Благодаря Антони Тапесу в Барселоне существует фонд, поддерживающий молодых художников – там практически нет произведений самого Тапеса и постоянно проходят выставки очень интересных молодых испанских художников. Потрясающая свобода пластика Тапеса в небольших книжных проектах, задала высокую планку и необычайно расширила границы пространственности: пространственного решения, пространственной свободы.

С другой стороны, большая часть Книги художника в западной концепции – удел эстетствующих коллекционеров; это очень редкие и недешёвые объекты, которые могут быть либо в музеях, либо в престижных частных собраниях. У нас совсем другая история случилась – хотя до сих пор нет внятного отношения к этому замечательному виду искусства. У нас это искусство не эстетское, а весёлое, в хорошем смысле этого слова, и очень свободное, в смысле творческой раскованности, ставящее широкий круг проблем и фиксирующее большой диапазон авторских манер. Здесь существенная разница с западной Книгой художника, которая, как правило, очень серьёзна и ставит эстетские вопросы.

Выставка в Царицыно получилась удачной и представительной. Анна Юрьевна рассказывала том, что в Музее образительных искусств имени Пушкина есть некоторые задатки того, что, возможно, через некоторое время там удастся создать коллекцию отечественной Книги художника, хотя до этого нужно ещё многое сделать. Хорошо, что в Царицыно сделали такую выставку, может быть, кое-кого на какие-то мысли и наведёт... Я считаю её большим праздником и всех нас с ним поздравляю. С оптимизмом будем смотреть в будущее...

Михаил Погарский: Андрей спасибо большое за подробное программное выступление, я бы здесь хотел добавить несколько слов о том, что в западном понимании есть два полярных понятия такие как Livre d'artiste и Artist's book. Если книги Livre d'artiste достаточно дорогие и престижные, нацеленные в первую очередь на коллекционеров, то в Artist's book – присутствует игровое начало и это в первую очередь художественный жест. Российская книга художника со всей своей широтой объединяет эти полярные явления. С точки зрения коллекционирования и собирательства Книга художника у нас находится в достаточно неопределённом положении. В Российских музеях книгу художника относят в раздел графики, что конечно неправильно. Например в музее Мома в Нью-Йорке: в отдел графики относят только Livre d'artiste, а Artist's book хранится в библиотеке (под каждую книгу отведён специальный бокс) более 10 тысяч экспонатов. Эта одна из самых больших коллекций Artist's book в мире. У нас в России не так много библиотек, которые собирают книги художника. Собирает Российская Государственная библиотека, Библиотека Искусств, и есть коллекция в библиотеке Иностранной литературы. В библиотеке Иностранной литературы достаточно регулярно проходят выставки, связанные с Книгой художника, и эта одна из библиотек, где интересуются, понимают и знают, что такое Книга художника. И сейчас мы от музейной темы перейдем к библиотечной, и я хотел бы предоставить слово Ольге Сеницыной, которая расскажет о будущем Книги художника в библиотеке.

Ольга Сеницына: Говорить о будущем – сложное и неблагодарное дело. Надеюсь, что коллекция будет в хороших руках. Начну издалека – в нашей библиотеке (ВГБИЛ) случайно и достаточно спонтанно с 1991 года, начало формироваться небольшое собрание Книг художника. Осенью 1991, после путча была встреча с шотландским художником Телфером Стоуксом, который сделал книжку стихов Всеволода Некрасова, и мы устроили ему презентацию. Всем

было не до чего, а мы говорили о том, что такое Книга художника, о том, что она начиналась с иллюминированных средневековых рукописей, с Уильяма Блейка. Книга – как абсолютно целостное произведение всех-всех-всех искусств, включая и 3-е и 4-е измерения, включая пространство и время. У нас получился какой-то очень праздничный спонтанный круглый стол. А дальше судьба распорядилась так, что эта тема стала для нашей библиотеки, для тогда моего отдела искусства очень новой, перспективной, интересной. Мы организовали много встреч, выставок, попытавшись объединить библиотеки, в том числе, музейные. Музейные библиотеки часто оказываются такими местами, где книга художника в силу своей специфичности, в силу своего состояния между чистым искусством и чистой книгой, находят приют.

Я не могу не упомянуть ещё один музей, который активно подхватил эту тему – Музей ДПИ. Было довольно много международных встреч и симпозиумов, где обсуждались проблемы существования Книг художника в библиотеках. Одно из самых крупных собраний Книги художника и самая крупная библиотека, которая занимается осмыслением, публикацией и проведением специальных собраний – это Национальная библиотека по искусству Великобритании в Лондоне в музее Виктории и Альберта. Национальная библиотека входит в состав большого комплексного отдела «Слово и образ», где содержатся все предметы, кроме предметов декоративно-прикладного искусства – все фонды и фонд Книги художника, который стал очень большим. Этим же много занимается Национальная библиотека по искусству Португалии в Центре Калуста Гюльбенкяна в Лиссабоне, где тоже огромная коллекция. МОМА и многие американские библиотеки, музеи и университеты. Немецкие библиотеки имеют хорошие собрания, Датский музей дизайна и прикладного искусства. Австралийские музейные и университетские библиотеки много занимаются этой темой.

Я хотела еще отметить два момента, которые Михаил Погарский упомянул – это то, что важно не только собирать Книги художника, что, к счастью, художники держат в своих руках, очень много зависит от того, насколько эта тема преподаётся или не преподаётся, насколько опыт понимания, восприятия, создания Книги художника, а также её бытования как-то передаётся новому поколению художников, новому поколению музейщиков и новому поколению библиотекарей. При этом библиотекарь по искусству – это не просто библиотекарь, поскольку они чаще всего имеют дело не с автором текста и не с литературным произведением, а с чем-то другим.

У нас в библиотеке в течение целого ряда лет, и я надеюсь это будет продолжаться – с помощью Виктора Лукина, Василия Власова, Виктора Гоппе, Михаила Погарского – проходят выставки Книг художников – студенческих работ. Очень важно иметь возможность показывать и сравнивать, как поддерживается, как обсуждается, как рождается детское, юношеское, молодое, творческое решение современных студентов, современной Книги художника.

Я не говорю уже о том, что параллельно Книга художника существует и в электронной среде, в цифровых технологиях, в компьютерном искусстве, как его только не называют.

Ещё одна тема – очень серьёзная – это описание, документирование, осмысление, представление книги художника. В нашей стране Миша Карасик очень много делал и делает для этого. Чего у нас очень сильно не хватает – чем всерьёз заняты только два или четыре человека – это профессиональная систематизация и анализ произведений отечественных художников. Тем не менее, это присутствует, но до такого масштаба, такого размаха, как это имеет место как среди немецких коллекционеров, среди американских, британских, испанских, португальских и даже среди южно-африканских нам конечно далеко. Я проводила одно из заседаний нашей секции библиотек по искусству ИФЛА в Дурбане – выступал Давид Патон – руководитель кафедры Книги художника в Йоханнесбургском университете – он создал сайт по Книге художника в Южной Африке.

Явление это вполне интернациональное и очень активно изучается в университетах и преподаётся не только художникам, но и искусствоведам. С этим у нас совсем никак, или плохо, или спонтанно. Спасибо художникам, которые выступают и в роли создателей, и в роли преподавателей, и в роли собирателей, отслеживающих художественный процесс, и ведущим документацию. Я приветствую, если музей Царицыно возьмёт на себя миссию флага, объединяющего, и, может быть, площадки, одной из площадок, главной площадки будущего Фестиваля. Я хочу, чтобы это братство, чтобы это художественное явление и серьёзная профессиональная среда нашли в этом фестивале способ и повод собраться вместе и поговорить и прийти к чему-то, что, я надеюсь, к 2014 году может быть созреть. У меня такое ощущение, что пока ситуация у нас в стране не очень вызрела. По разным причинам, которые можно анализировать. Библиотека собирает, но очень неохотно, каждый раз надо объяснять, а что это и почему это, почему стоит столько денег, и зачем, и что с этим делать, как хранить описывать, давать ли в руки или не давать – библиотеки не хотят связываться, потому что это явление им непонятно. В «Музеи книги» РГБ книги художника никогда не станут популярными, публично предъявляемыми, доступными и понятными. Но для того, чтобы родилось поколение новых коллекционеров, они должны быть понятными, доступными и широко предъявляемыми, как это, например, сейчас на Нон-фикшн происходит. Это всё равно такие крупницы, которые конечно ещё не оказывают, критического воздействия на сложение какого-то общественного художественного вкуса и достаточно высокого общественного интереса. И поэтому, наверное, пока это явление будет оставаться маргинальным, и понимаемым и воспринимаемым преимущественно профессионалами. Для того чтобы говорить о светлом будущем Книги художника, о каких-то ярких и инте-

О. Сеницына

В. Лукин

ресных перспективах, мы должны думать о том, чтобы было более яркое публичное предъявление и понятный «широким слоям из узких кругов» интересующихся искусством людей разговор. Надеюсь, что библиотеки не оставят эту тему, а через какое-то время поймут, что Книга художника – это тот самый надёжный остров, где книги будут продолжать существовать. Остальные книги могут быть оцифрованы, а вот Книга художника, если рождена не в электронном виде, вряд ли может быть оцифрована. Она ценна именно как физический объект. Поэтому все разговоры о скором конце печатной книги в связи с тотальным переводом в цифровой формат, не имеют отношения к Книге художника.

Михаил Погарский: Библиотеки продолжают заниматься Книгой художника – здесь присутствуют представители Российской Государственной библиотеки искусств, которые будут делать проект «Книга на острие современного искусства». Этот проект вошёл как спецпроект в «Пятую московскую Биеннале современного искусства», и осенью будет показан. Так что Библиотеки сейчас тоже

проявляют достаточно серьёзный интерес к Книге художника. Вторую тему, которую Ольга затронула в своём выступлении это то, что многие художники, которые занимаются Книгой художника, выступают не только как художники, но и как организаторы, как классификаторы, как теоретики Книги художника. Тот же Давид Патон из Южной Африки, о котором Ольга говорила, не только возглавляет кафедру Книги художника, но и сам прекрасный интересный художник, который участвует во многих выставках и работы его достаточно интересны.

Я хотел бы предоставить слово художникам, организаторам и теоретикам Книги художника, и, наверное, это правильно, что в конце мы предоставляем слово художникам, которые расскажут, что такое Книга художника для них, каким инструментом она является. Неслучайно, историю российской книги художника начинают вести с футуристов. Почему именно с футуристов? Ведь и до них было достаточно много – Андрей Толстой говорил, что и символисты, и Бенуа делали прекрасные роскошные книги. Почему именно точкой отсчёта выбрали футуристов. Потому, что именно футуристы впервые перевернули формулу «художник для книги» с ног на голову и руководствовались обратным правилом – «книга для художника», они сделали из книги инструмент для художественного высказывания, для художественного жеста. Я хочу предоставить слово Виктору Лукину, который не только художник, но и преподаватель, и он ещё немного расскажет, о том, как он использует книгу художника в преподавании и о проведении студенческих выставок.

Виктор Лукин: Творчество и самовыражение в книге художника – это основа создания Книг. Но, конечно, творческое присутствие мы находим и в издательской книге. Несомненно, оформление книги, её визуальный образ, иллюстративный материал и даже набор текста не может обойтись без творческой энергии. И издательские книги, созданные замечательными художниками воспринимаются не только, как книги текста, но и как визуальные образы. Но в издательской книге Творчество всё равно существует как добавочный элемент, хотя, несомненно, очень важный и это связано с издательскими стандартами. И очень часто эти издательские стандарты изменяют художественный замысел до неузнаваемости. Художники, которые участвуют в создании издательской книги как иллюстраторы, могут не узнать конечный свой продукт при выходе книги из печати. Другое дело – Книга художника. Художник определяет и визуальный образ книги, иногда сам пишет и текст, и выстраивает будущую судьбу этой книги, то есть он идёт по пути создания некоего уникального художественного объекта. Это путь создания уникального художественного произведения, без штампов, клише и повторений.

Наш эксперимент по созданию выставки «Первая книга» в музее Царицыно, связан с осмыслением и попыткой понять – есть ли границы Книги художника и что может называться Книгой художника. Мы сознательно принимали работы, может быть, очень далёкие от книжных стандартов, и в обычном понимании являющиеся совсем НЕ КНИГОЙ. Но идя на этот эксперимент, мы (кураторы этого проекта) надеялись усложнить, то художественное поле, в котором существует движение Книга художника. Экспозиция выставки наглядно показывает, что творческие, креативные идеи, это основной цементирующий элемент, объединяющий все представленные образцы. Может это очень вольное обращение с книгой, но и книги футуристов, а мы считаем их прообразом Книг художника, обвинялись в легкомысленном обращении с книгой. Давайте относиться к этой выставке как к проекту – творческому эксперименту.

Конечно, Книга художника нуждается в типологизации, в неких стандартах. Да, мы это всё понимаем. И в 2011 году, была сделана попытка осмысления различных книжных форм на выставке в Санкт-Петербурге «Музей Книги художника». Там была попытка выстроить типологизацию книг художника, но это путь искусствоведческий и мы ждём искусствоведов, кто бы активно включился в этот процесс. Самим художникам приятно участвовать в процессе создания книг, находить новые формы и расширять границы Книг художника, потому что это процесс творчества, процесс уникальных возможностей.

Если говорить о некой формулировке Книг художника, то это может быть: Книга художника – это художественное произведение, отсылающееся к образу книги. Отсюда мы можем позволить и разные форматы, и разные материалы. Меня просили сказать несколько слов о включении Книги художника в педагогический, учебный процесс. Да я делал несколько проектов со студентами. Это выставки в библиотеке Иностранной литературы: 2011 г. «Книга-объект» с

выпуском каталога, в 2012 г. «Первая книга» и международный проект, который был в прошлом, 2012 году в Марселе. На Марсельской книжной ярмарке была показана студенческая Книга художника. Были представлены университеты, где преподаётся или включена в учебный процесс Книга художника. Это американские, британские, итальянские, французские и российские художественные школы. С российской стороны были представлены Московский художественно-промышленный институт, двумя кафедрами, графический дизайн (преподаватель В.Ф. Лукин) и арт дизайн (преподаватель Б.Е. Михайлов), Московский государственный университет печати (преподаватели: О. Моница, В. Цепилова) и Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова (преподаватель А. Лаврентьев). По этой международной студенческой выставке Книг художника могу резюмировать, то, что в основном в американских, британских, французских университетах преподавание Книги художника более систематическое, у нас, поскольку – это всё-таки предмет междисциплинарный, то на разных факультетах, педагоги используют этот формат в помощь к каким-то основным темам преподавания. Также поступаю я и другие педагоги, которые занимаются Книгой художника и пытаются включить книгу в учебный процесс.

Со стороны молодого поколения – интерес к Книге художника есть – им интересно. Книга художника, это такой формат, который не просто отсылает к стандарту, к книжному кодексу, но и позволяет экспериментировать. Есть очень интересные образцы, которые хранятся в моей коллекции. Я собираю студенческую Книгу художника.

Михаил Погарский: Насколько мне известно, в Марселе много книг студентов приобрело в свою коллекцию Ателье «Вис-а-вис».

Виктор Лукин: Да, у моих студентов немного и, кажется, у студентов Бориса Михайлова, а Саша Лаврентьев отказался отдавать работы своих студентов.

В заключении хочу сказать, что процесс преподавания Книги художника в институте держится на энтузиазме педагогов, как и само движение Книга художника на энтузиазме художников.

Михаил Погарский: Виктор правильно сказал – у нас преподавание в основном держится на голом энтузиазме преподавателей. Совершенно не так происходит в западном мире и в Америке. В Америке практически в каждом штате имеются бук-арт центры, финансируемые государством. Бук-арт центр имеет возможность покупать книги у художников, проводить выставки, делать ворк-шопы, мастер-классы, проводить какую-то регулярную работу. В каждом бук-арт центре практически каждую неделю проходят события, конференции, выставки. В Англии происходит огромное распространение в Университетской среде – в Бристоле есть кафедра, которая занимается только Книгой художника, там не только ведётся преподавательская работа, обучение студентов, но и научная, классификационная работа. В Бристоле Сара Бодман, которая возглавляет эту кафедру, каждые полтора месяца выпускает электронную газету – в ней освещаются все основные события, которые происходят в мире, анонсируются выставки; каждые два года она издаёт огромный справочник, посвящённый Книге художника (порядка 200 стр.), в него включены ведущие художники, которые занимаются Artist's book, в отдельном разделе описаны все ведущие коллекции Artist's book, все институции, которые занимаются Книгой художника; она также издаёт журнал Blue Pages, который посвящён полностью Книге художника – в общем ведётся постоянная работа, которая финансируется государством.

Возвращаясь к нашему круглому столу, я хочу предоставить заключительное слово Василию Власову, которому нужно сказать отдельное спасибо за огромную работу, которую он провёл, собирая экспонаты для этой выставки и описывая эти экспонаты, мы вместе фотографировали, выпускали и издавали каталог. Представляю Василию Власову слово как художнику и как куратору этой выставки.

Василий Власов: я не буду многословен, тут все уже рассказали о Книге художника. Я вернусь к самой выставке – она уникальна по всем параметрам, в ближайшие годы мы не сможем такого повторить. Уникальность её в том, что, во-первых, мы собрали очень хороших художников, к нам влились ещё и молодые таланты – в дальнейшем станет ясно, будут ли они работать дальше или они случайно попали в наше пространство. Во-вторых, не все, конечно, экспонаты на этой выставке являются Книгой художника. Были экспонаты мало походившие на Книгу художника, но они настолько вписались в общее пространство, что, я думаю, и в дальнейшем надо использовать такие моменты, когда объекты, похожие на книгу или бытовые вещи (банки, стакан, платье), не имеющие с книгой ничего общего, но соединённые с буквенным символом (иероглифы или визуальные знаки), дополняют общую картину.

Книга художника – необычная книга. Иногда она похожа лишь на знак книги, не имеющий подобия в реальности. Книга, где есть лишь текст и иллюстрации – не совсем то, о чём можно говорить, как о Книге художника. Только личное участие художника, его реплика, его авторский жест, может книге и книжной форме придать свойства тактильного и оригинального ощущения первозданности. Без этого она похожа на привычную книгу, подобие подобных. Есть такое понятие – симулякр, что означает – копия без оригинала. Если копия выполняется неоднократно, с копии

В. Власов

В. Гоппе

делается ещё копия, а с этой копии делается ещё пятьдесят, то понятно, что забывают о том, что было движущим началом, либо сама копия и является началом. Молодые художники, занимающиеся книгой, особо восприимчивы, если же задание даётся студентам, то студенты как губки: всё воспринимают сразу, всё схватывают и творят. То, что делает Виктор Лукин как педагог, раскрепощает студентов, они начинают чувствовать книжное пространство, например, им даётся задание – создать цикл иллюстраций, которые следует связать с текстом, и когда перед ними ставится задача, они экспериментируют и как «черви» вгрызаются в тему, чтобы из этого что-либо получилось. Симулякр... Хорошо бы, конечно, перед собой иметь всё же оригинал. Потому что копии в нашей современной жизни встречаются на каждом шагу. Хорошо бы дойти до источника...

Михаил Погарский: Тут есть такой тонкий момент в Книге художника – несмотря на то, что многие книги обладают тиражом, но, как правило, в этом тираже каждая копия обладает своей уникальностью, потому что даже если это делается мето-

дом печатной графики, то оттиски отличаются, и каждый экземпляр книги проходит через руки художника. Предлагаю слово члену объединения Книга художника Виктору Гоппе.

Виктор Гоппе: От лица художников я хочу поблагодарить организаторов, потому что на самом деле – это одно из многих мест, где «нас встречают по одежке и провожают по одежке».

Недавно закончился антикварный салон, и я хочу сказать, что это как раз то место, где форма соответствует содержанию: чем дороже форма – тем лучше содержание. Жанр книги художника не может сравниться с этим направлением, потому что, во-первых – время изменилось, во-вторых, стоимостные характеристики совершенно другие. Но, так или иначе, перспективы развития жанра очень высокие. Я хотел бы обсудить то, что сказала Ольга Синицына, и как-то поддержать, и ещё раз обнаружить то, что мы, может быть, недоделываем – мы не можем делать всё сразу.

Сейчас здесь не присутствует Юрий Самодуров – человек, который в своё время темпераментно занимался популяризацией книги художника, он сейчас занимается другими вопросами, но удивительно то, что они сделали в короткое время совместно с Погарским, Власовым и Лукиным – популяризация жанра шла через образовательные учреждения. И довольно успешно. Я считаю, что если мы приходим в театр, и в театре будут сидеть только работники театра, или других театров – тогда непонятно, для кого это действие будет показано: ведь внутри жанра все это уже знают. Сейчас и у нас такое происходит: мы слушаем и смотрим сами себя. У нас пока такая специфика. Только что Андрей Толстой говорил про футуристическую книгу: в этом году отмечается столетие футуризма и 120 лет со дня рождения Владимира Маяковского – уже происходит и сформирован ряд выставок. В этой связи мне вспомнился такой факт: Василий Каменский, когда они делали презентацию «Железобетонной поэмы» – как авторы были удивлены тем фактом, что тираж был продан в течение нескольких дней, а покупали его просто рабфаковцы и студенты из-за одной только фразы: «Сарынь на кичку!», – молодежь мало понимала, что это за фраза, но эта фраза обуславливала контекст современности, что и являлось сигналом того, чтобы эта книга раскупалась. И Маяковский и Каменский удивлялись. Специальных модераторов не было, не было ни книг, ни телевидения, ни интернета, в театр мало кто попадал. И, наоборот, литература, и собственно, книга – её обычная характеристика являлась постулатом. Была книга для искусства. И у нас это явление также существует. Но одновременно круглый стол проходит в каком-то малочисленном составе. Я хотел бы представить, чтобы следующий круглый стол был организован и проведён в Университете печати и в Политехническом музее. Я думаю, что это будет встречено с интересом. Студенты, которые могут участвовать, смогут воспринимать, но пока они отторгнуты и от созерцания и от восприятия. Они учатся, а мы работаем. Мы работаем не только для них, но они учатся, не наблюдая Книги художника. Возможно, я хочу просто пожелать расширения нашего участия в образовательном процессе.

Михаил Погарский: Я хочу сделать две ремарки по выступлению Виктора Гоппе. Первая ремарка касается футуристической традиции. Несмотря на то, что в то время не было специальных модераторов, но тем не менее были не только поэты и художники, но и проводники их идей и деятельность футуристов была настолько активна, что о них разносилась молва безо всякого Интернета. Например, идеи футуризма пламенно распространял тот же Корней Чуковский. Как у нас иногда рок-группы ездят по провинциям, делают так называемый «чёс», так и Корней Чуковский ездил по городам и весям с лекциями о футуризме, и между футуристами и Чуковским даже были разборки, кто кому должен был платить: футуристы ли Чуковскому за то, что он их пропагандирует, либо Чуковский футуристам за то, что он с этих лекций получает какие-то деньги. Так что их деятельность и по пиару, и по просветительству была очень активной. Это были такие энергемы, которые взрывали искусство того времени своими выставками, диспутами, акциями и конечно книгами.

Вторая ремарка, с чего начал Виктор Гоппе об антикварном салоне и о библиофильской книге. Мы хотели пригласить Михаила Сеславинского, чтобы он рассказал о библиофильской книге, как основной специалист, и провёл бы некий анализ о сходствах и различиях между книгой библиофильской и книгой художника, но, к сожалению, он не смог выразиться, поскольку сейчас не в России. И я попробую в двух словах сказать об этом различии. Как соотносится Книга

художника и библиофильская книга? Безусловно, практически вся Книга художника попадает в разряд библиофильской. Но библиофильская книга всё-таки это чуть-чуть другое, более широкое понятие, для библиофила часто не так важно, что книга – художественное высказывание, произведение искусства, а для него в первую очередь важна редкость. Цензура погрозила весь тираж, а один экземпляр остался, и благодаря цензорам попал в библиографические редкости. Книга слетала в космос, или на книге расписался президент, всё – эти книги становятся библиофильскими, а в книге художника вот эти редкости не важны – там важно именно художественное высказывание. Завершая круглый стол, я сейчас хотел бы перейти к свободной дискуссии, к вопросам, к репликам, к ремаркам, к высказываниям художников – здесь много художников присутствует, которые участвуют в этой выставке интересно их впечатление и о нашей работе, как работе кураторов, и об организации работы выставки, ну и их мнение о Книге художника.

Слева направо: А. Панкин, Е. Гор

Александр Панкин: Для меня очевидно, что эта выставка, «широким фронтом» раскрывающая такую оригинальную тему как «Авторская книга» – уникальное событие в культурной жизни Москвы. За последние полгода, на мой взгляд, произошло два уникальных события: выставка «Русский Леонардо», посвящённая Павлу Флоренскому, в Московском музее фотографии и, без сомнения, эта выставка. На ней свершился удивительный акт необычного выставочного формообразования. Что имеется ввиду?

Когда существует объект, о котором, кажется, всё уже известно, но надо открыть новые, неизвестные ранее его свойства – что для этого надо сделать? Для этого необходимо, прежде всего, осмыслить форму пространства объекта и затем границы этого пространства. Потом, выйдя на «нуль форм», как говорил Казимир Малевич, перейти за границу, то есть в пространство с дополнительными измерениями. И тогда будут раскрываться новые свойства объекта. Кстати, Малевич прекрасно и эффективно реализовал именно эту технологию формообразования, когда «перешагнув» за «нуль горизонта» открыл систему Супрематизма.

На выставке, о которой мы говорим, произошёл подобный акт выставочного формообразования. Имеется ввиду весь комплекс элементов, формирующих выставку – её концепция, композиционная структура, характер и количество экспонируемых работ и т.д., и т.п. Кураторы вполне осознали существующие границы жанра «авторская книга», раздвинули эти границы и перешли через неё. Удивительно, как они работали с художниками. Причём не менее двух лет. Если не больше.

Меня этот жанр всегда интриговал, и я видел много выставок, ему посвящённых. Но только после многократных бесед с Виктором Лукиным тема захватила меня и я придумал серию работ. Правда, пока хватило духа только на две книги, которые здесь и представлены.

Ещё важный момент. Итак, выставка качественная во всех отношениях. И без сомнения, при этом огромную позитивную роль сыграл музей Царицыно. Дело не только в том, что были предоставлены прекрасные просторные залы. Главное – были созданы комфортные условия для создания и реализации этого проекта. Выставка – подлинный творческий акт музея. Ему огромная благодарность от всех художников.

Здесь высказали предложение о продолжения выставки в форме фестиваля. Убеждён, в этом направлении необходимо работать. Потенциальные возможности для динамичного развития формообразующих факторов выставки и произведений, на ней представленных, очевидны и они достаточно мощные. Повторю, мы свидетели оригинального раскрытия темы «Авторская книга». Спасибо всем!

Михаил Погарский: Я хотел сделать лишь одну ремарку об определённом развитии границ, которые существуют в формате книга художника – и Андрей Толстой говорил, и многие выступающие – часто непонятно, можно ли относить этот объект к Книге художника или он просто так по каким-то параметрам примыкает? Здесь, на мой взгляд, существует презумпция авторства: если автор считает своё произведение книгой – то это книга.

Расшифровка – Елена Кокорева
Общая редакция – Михаил Погарский

Книга на острие современного искусства

Специальный проект 5-й Московской биеннале современного искусства
Российская Государственная библиотека искусств. Ул. Большая Дмитровка, д. 8/1
12 сентября – 5 октября, 2013

Кураторы: Михаил Погарский, Виктор Лукин
Организаторы: Российская Государственная библиотека искусств
Международное объединение «Книга художника»

Оргкомитет: Василий Власов, Виктор Лукин, Михаил Погарский, Виталий Пацюков Александра Орлова

Участники: Н. Алексеев, Т. Антошина, В. Власов, В. Гоппе, А. Джикия, М. Карасик, В. Корчагин, В. Лукин, И. Макаревич, С. Миклашевич, М. Молочников, С. Никольская, В. Орлов, А. Парыгин, П. Перевезенцев, М. Погарский, В. Смоляр, Л. Соков, Л. Тишков, О. и А. Флоренские, В. Хлебникова, И. Шелковский, С. Шутов, С. Якунин.

При поддержке Издательства Тимофея Маркова и AP-TM Printmaking Studio

12 сентября с большим успехом прошло открытие выставки.

Бук-Арт-Ботаника

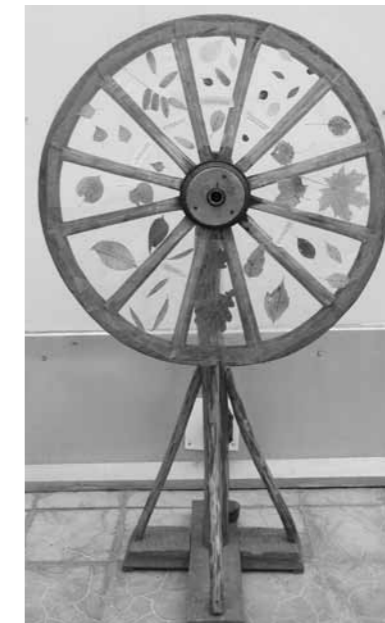
Специальный проект 5-й Московской биеннале современного искусства
открытый международный проект в формате книга художника, посвященный растительному миру
14 мая – 23 июня, 2013

Кураторы: Михаил Погарский, Жанна Рыбак
Организатор: Государственный Дарвиновский музей
Координатор: Наталья Михайлова

Художники: Валентина Апухтина, Мария Арендт, Наталья Арендт, Сара Бодмэн, Елена Брей, Артём Бурунов, Владимир Вишневецкий, Василий Власов, Елена Голованова-Старенко, Арт-группа «Голубая сойка», Арт-группа «Госкорабль Иванова», Ольга Горохова, Елена Демидова, Джино Джини, Каролина Диас, Ирина Дмитренко, Алексей Дьяков, Марина Звягинцева, Маша Ив, Елизавета Извекова, Надежда Кабирова, Владимир Калашников, Ольга Карякина, Сергей Катран, Валерий Корчагин, Евгения Крикова, Герасим Кузнецов, Паола Мак-Грегор, Наталья Михайлова, Эндрю Мэлони, Светлана Никольская, Елена Павлова (Потанина), Алексей и Наталья Петровы, Михаил Погарский, Светлана Пронина, Михаил Рошняк, Жанна Рыбак, Андрей Рыбаков, Александра Серёгина, Катрилона Стэмп, Татьяна Сушенкова, Тая и Соня Тимофеевы, Екатерина Тихонравова, Мария Толстых, Фернандо Феде, Сергей Чернов, Елена Чуканова, Эвелина Шац, Алла Эмили, ГюнельЮран, Арт-группа «Untitled»

Василий Власов. БотанБУК. 2013

Михаил Погарский.
Стихопад на листопаде. 2013

Сергей Чернов. Антикнига. 2013

Формат Книги художника позволяет осуществлять симбиоз, казалось бы, предельно разнородных, а иногда и конфликтующих жанров, технологий, направлений и стратегий современного искусства. В то время, когда обычная книга начинает во многом сдавать позиции перед книгой электронной, Книга художника, наоборот, приобретает всё большую и большую значимость, позволяя, с одной стороны, возродить аудитаكتильную культуру древнего мира, а, с другой стороны, пополняя свой аппарат новейшими медиальными технологиями.

В этом проекте ботаника и бук-арт наполняют и дополняют друг друга. Перед художниками стояла задача вернуть нас в лоно природы, оторвать от поглощения информации с монитора и заставить извлекать её с помощью своих пяти органов чувств: зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания. С одной стороны в проекте приняли участие авторские книги различной тематики, выполненные с применением природных растительных материалов: срезов стволов; ветвей и коры деревьев; различных цветов, трав, листьев, семян.

С другой стороны – это мир, который, превращаясь в предметы искусства, можно читать. Этим проектом художники привлекают внимание широкой общественности к вопросам экологии и защиты окружающей среды, демонстрируют возможности творческого использования растений в самых неожиданных областях, не нарушая, а подчёркивая красоту и естественную гармонию растительного мира. И здесь японский принцип «моно-но аварэ» (раскрытие внутренней природы вещей) являлся основополагающим для художников.

Жанна Рыбак. Ботанические рассказы. 2013

Книга знаний Арт-проект Михаила Погарского и Парка Искусств Музеон

Мы с самого детства усвоили, что книга – это источник знаний. Источник, из которого каждый может напиться мудростью поколений. Настоящий проект переворачивает устоявшееся положение вещей. Художники, поэты и самые обычные прохожие напитали эту книгу своими знаниями, идеями, образами. Они занесли на её страницы свою сокровенную мудрость, и, напившись из этих источников, наша книга превратилась в настоящую реку знаний.

1 сентября в день знаний в Парке Искусств Музеон мы предложили всем желающим сделать своё авторское высказывание на листе пластика (60×40 см). И в течение недели мы терпеливо собирали эту спонтанную книгу знаний. В создании книги приняли участие художники из России, Белоруссии, Англии, Германии, Бразилии, Китая и Кипра. Среди участников были и известные художники, такие как: Татьяна Антошина, Василий Власов, Виктор Гоппе, Александр Горшков, Александр Джикия, Светлана Коллерова, Валерий Корчагин, Виктор Лукин, Кира Матиссен, Андрей Рыбаков, Наталья Синёва, Владимир Смоляр, Лейла Фараджова, Сергей Чернов, Гюнель Юран и совсем юные дарования. Многие страницы создавались целыми коллективами.

Длина – 120 м
Вес – 250 кг
300 страниц
Более 300 участников

В результате нашей совместной работы получилась самая длинная книга в мире. Книга, в которой будут сохранены знания, которыми, обладали Москвичи в 2013 году!

Книга художника
Информационный бюллетень. Выпуск третий. Сентябрь 2013
Издание Международного объединения «Книга художника»
Составление, дизайн – Михаил Погарский
Подписано в печать 19.09.2013. Тираж 100 экз